

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

ЧЕРНАЯ КРОВЬ МОРЯ

Платформа захвачена.
Счет пошел
на минуты

СПЕЦНАЗ

ГРУ

Спецназ ГРУ. Боевые романы Сергея Зверева

Сергей Зверев

Черная кровь моря

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зверев С. И.

Черная кровь моря / С. И. Зверев — «Эксмо», 2026 — (Спецназ ГРУ. Боевые романы Сергея Зверева)

ISBN 978-5-04-245252-9

Суммарный тираж книг автора — более 6 миллионов экземпляров. Банда террористов захватывает иранскую нефтедобывающую платформу в Каспийском море. В числе заложников оказывается и группа российских инженеров, прибывших на объект для научной консультации с коллегами. Экстремисты требуют освобождения из тюрем своих поделщиков, в противном случае заложников ждет жестокая расправа. Иранская сторона обращается за помощью к спецназу ГРУ России. На платформу скрытно прибывает группа майора Николая Каржавина. Но как не привлекая внимания бандитов выяснить, где они прячут гражданских? Каржавин решает пойти на хитрость и временно меняет облик офицера российского спецназа... Реальные герои в реальных условиях для настоящих читателей. Горные перевалы, засады и жестокие схватки с бандитами — такова пропитанная порохом атмосфера этих захватывающих боевиков. «У войны много лиц. А у того, кто достоверно пишет о ней, лицо Сергея Зверева. Этот автор знает о боевых действиях все. Кажется, он сам прошел эти суровые тропы только для того, чтобы без прикрас рассказать о тех, кто упорно продолжает идти по ним...» — Валерий Шарапов, автор ретро-детективов.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-245252-9

© Зверев С. И., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Сергей Зверев

Черная кровь моря

© Зверев С. И., 2025

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Глава 1

Общеизвестно, что Каспий – не море. Но у кого язык повернется назвать озером этот бескрайний водный простор? Особенно сейчас, ранним осенним утром, когда, играя бликами, волны накатывают на широкий песчаный пляж и Каспий более всего похож на море. Густо-синяя масса воды контрастировала с белизной гор Эльбурса, слегка подкрашенных в розовый цвет солнечными лучами.

С вершин могучего хребта срывался пронизывающий ветер, который торопил волны и заставлял ежиться от холода людей, сидевших в катерах черного цвета с желтыми полосами по бортам. В такую погоду любоваться видами не хочется, несмотря на их невероятную красоту. Однако имелась и другая причина, из-за которой экипаж катеров погрузился в угрюмое молчание. Эти люди ехали выполнять задание, за которое отвечали головой.

Все три катера на полной скорости неслись в направлении строения, напоминавшего ярко-красный стол на толстых ножках, высившийся посреди воды. Ни к чему, казалось бы, строить это корявое переплетение металлических брусьев поверх бетонных столбов прямо в воде, в то время как далее, всего-то в нескольких километрах южнее, протянулась песчаная коса Мианкале, отрезающая от озера-моря обширную лагуну, самую большую на Каспии, известную как Горганский залив.

Издали нелепая алеющая постройка казалась маленькой – обман зрения, известный всем, кто ходил в море. Могло почудиться, будто в крохотное пространство между крышкой «стола» и водной поверхностью катер не втиснется. Туда прошмыгнет лишь плоскодонка, и то при условии, если гребец распластается по дну, иначе ему снесет голову.

Но по мере приближения становились ясны истинные размеры исполинского «стола», от которых захватывало дух. Под его крышкой беспрепятственно пройдет любой транспорт, вплоть до небольшого рыболовецкого судна. Красные цилиндрические опоры в желтых «подштанниках» поражали неохватной шириной. Груда железяк сверху мало-помалу обретала очертания в дрожащем утреннем воздухе, солнечные блики более не мешали рассмотреть ее четче. И тогда становилось понятно, что за конструкцию воздвигли здесь сотни рабочих рук, занятых тяжелым трудом.

Устремленная к небу стрела из металлических перекладин была буровой вышкой, а собственно «стол» – нефтедобывающей платформой. Потому-то воздвигнуть циклопическую постройку в другом месте, где-то на суше, не представлялось возможным, ведь подземная кладовая, хранившая неисчислимые запасы черного (а попутно и голубого) золота, находилась в толще земных слоев глубоко под морским дном.

Отсюда качали нефть, черную кровь Каспия.

Расстояние между катерами и платформой сокращалось. Центральный катер подбавил скорости и вырвался вперед. Один из сидевших в нем достал бинокль и принялся изучать буровую. Мужчина уже мог разглядеть двойную белую надпись на красном фоне. Нижняя часть надписи крупнее верхней; выполненная на латинице, она гласила: AMIR KABIR. Верхняя надпись, дублировавшая нижнюю, но размером помельче, выполнена на фарси – государственном языке Ирана, которому принадлежала красная платформа.

Амир-Кабир, то есть Великий Министр, – почетное прозвание визиря Мирзы Амир-Незама, возглавлявшего правительство при Насреддин-шахе в первой половине XIX столетия. Десятого января 1852 года, на следующий день после того, как Амир-Кабир весело отметил сорок пятый день рождения, визирю перерезал глотку в бане цирюльник, подкупленный политическими противниками Великого Министра, за которыми стоял лично глава государства. Спустя годы, как это часто случалось в истории, пожалуй, любой страны, убитого признали

благодетелем нации, в его честь стали называть университеты и предприятия, включая этот красный «стол».

Мужчина с биноклем прекрасно знал, что означает название платформы. Он вообще свободно читал и говорил на фарси, как и все его спутники, многие из которых были персами по происхождению. Сам же владелец бинокля, судя по внешности, был скорее сирийцем, чем персом. Немногим за тридцать пять, ростом чуть выше среднего, с худым лицом, он выделялся из остальной команды глубоко посаженными черными глазами, холодным, но вместе с тем обжигающим взглядом, говорившим о сочетании жестокости и хладнокровия в одном человеке. Прямая осанка и военная выправка свидетельствовали, что этот мужчина много лет отслужил в армии.

Сейчас этими холодными глазами из-под сдвинутых густых, прямых бровей он ощупывал восьмиугольник вертолетной площадки, на которую как раз приземлился вертолет. Лопасти уже заканчивали вращаться, лениво рассекая воздух. Гости одеты в куртки разных цветов, вздувшиеся на ветру. Посетителей встречает персонал в однообразных комбинезонах – красных с желтыми вставками и белыми полосами выше колен на штанинах и ниже локтей на рукавах. Вероятнее всего, здесь менеджер (он же главный инженер), прораб, буровой мастер, лаборант-геолог. Словом, все те, кто организует рабочий процесс на платформе и управляет им. И конечно, зеваки из обычных работяг, которым еще рано заступать на смену.

В толчее не разглядеть лиц гостей, но сирийца заранее предупредили, кто прилетел на платформу. Специалисты из России прибыли консультировать по шельфовому бурению. Этим и объясняется суэта и толкучка вокруг них. Важные эксперты плюс иностранцы, причем настоящие, не турки или палестинцы, которых в Иране навалом, а самые настоящие русские, которых рядовой иранец видит раз в год по телевизору.

На приближение катеров люди на платформе никак не отреагировали. Других гостей, кроме русских, здесь точно не ждали; а тот факт, что катера двигались с востока, со стороны Бабольсера, объяснял их невидимость из-за слепящих бликов от утреннего солнца.

Сирийца и его команду такой расклад вполне устраивал, они не хотели быть обнаруженными преждевременно, потому что прибыли сюда отнюдь не с дружескими намерениями. Одетые в черную униформу без нашивок, все вооружены. У кого-то германская штурмовая G36, у кого-то южноафриканский полуавтоматический «вектор» и другое оружие, весьма и весьма серьезное, такое состоит на вооружении малайзийского «Паскаля» и некоторых других элитных подразделений Южно-Азиатского региона.

Сириец дал знак. Движки заглушены, катера по инерции беззвучно заплывают под платформу. Наверху спокойно; менеджер, рассыпаясь в благодарностях, на английском языке чувствует российскую делегацию, а не понимающие ни слова ротозеи пялятся на прибывших. О происходящем внизу никто не догадывается, словно до безопасности платформы никому и дела нет.

Команда сирийца пробралась со стороны жилого блока, где сейчас ни души – часть народа на бурении, а те, чья смена впереди, присоединились к общей сутолоке. Стремительно передвигаясь по мосткам среди труб, черные фигуры уверенно отрезали проходы в производственный блок и лабораторию, оставив незаблокированным лишь путь с вертолетной площадки через грузовой терминал напрямик в буровой блок.

– Спасибо! – закончил русским словом приветственную речь менеджер.

Тотчас над его головой протарахтела очередь из автомата.

С разных сторон русских гостей и встречающих их работников платформы окружили боевики. Четко, молниеносно, внезапно. Сколько? Сосчитать невозможно, явно больше десяти человек. По-видимому, примерно столько же, сколько работало на буровой, а в ее штате числилось восемнадцать человек.

Охранник на буровой только один, и сейчас он находился среди собравшихся у вертолетной площадки, единственный одетый в песочного цвета униформу вместо красно-оранжевой спецовки. Рефлекторно его рука легла на кобуру и замерла. Он понимал бессмысленность и рискованность попытки отразить нападение – следующая очередь гарантированно выкосит половину невинных людей, которых он обязан защищать.

Один из боевиков, ни слова не проронив, дулом винтовки указал, чтобы охранник бросил оружие. Тот, успокаивающим жестом выставив перед собой ладонь, другой рукой, все еще лежавшей на кобуре, извлек табельный пистолет и аккуратно положил его на металлический пол. Другой боевик в ту же секунду оказался у оружия и подобрал пистолет.

Из производственного блока выскочили несколько парней, но натолкнулись на боевиков и ступевались, кроме самого молодого, безбородого, безусого и бритоголового, резко отличавшегося от своих бородатых и давно не стриженных товарищей. Бритый выхватил разводной ключ и ломанулся к ближайшему боевику, но был остановлен ударом приклада и рухнул как подкошенный.

Массивный человек в черном прицелился и без колебаний и раздумий выстрелил в пылкого молодчика. Паренек не вскрикнул, не дернулся, даже не застонал. Пуля попала точно в сердце, мгновенно оборвав жизнь бурильщику.

Толпа охнула. Парень больше не представлял угрозы, необходимость стрелять в него отсутствовала. Но убийство не было бессмысленным: на глазах людей свершилась показательная казнь. Это усвоил каждый.

Оглушительно гаркнув, другой тип в черном, высоченный амбал со шрамом на левой скуле, вывел людей из оцепенения и скомандовал двигаться вперед. Выстроившись в цепочку, подобно конвоирам, захватчики указывали путь. Проходя вереницей мимо боевиков, персонал и русские гости послушно следовали туда, куда указывали стволы винтовок и пистолетов.

Становилось понятно, что произошел захват заложников и эти вооруженные до зубов мужчины в черной одежде – террористы. Почему же на них нет масок, вроде пресловутой балаклавы или чего-то в том же роде? Почему они не боятся показать пленникам свое лицо? Возможно, хотят сделать громкое политическое заявление...

Из цепочки конвоиров сделал шаг навстречу пленникам мелкий, щуплый и шустрый мужичок, обладатель колоссальных размеров бороды, достававшей ему, наверное, до пупа. Короткими, проворными ручонками бородач по очереди проверял пленников, выискивая оружие, инструменты, рации, телефоны. У некоторых в карманах нашлись небольшие гаечные ключи и только. Оружия ни у кого, разумеется, не было. Мобильниками персонал не пользовался; сигнал с сотовых вышек платформы не достигал, отчего телефоны без дела валялись на дне вещевых сумок в каютах работников, дожидаясь момента прибытия в порт, откуда уже бурильщики принимались звонить женам и матерям, оповещая о скором возвращении домой. Однако террористы хотели подстраховаться, не отдавая ход операции на волю случая.

Сириец посмотрел на часы. Девять двадцать шесть. Через четыре минуты в Москве будет ровно девять ноль-ноль.

* * *

– Майор Каржавин по вашему приказанию прибыл!

Генерал Бурцев оторвался от бумаг. Перед ним стоял подтянутый, худощавый мужчина тридцати пяти лет, с короткими темными волосами и серьезным, почти суровым лицом, строгость которого подчеркивалась светло-серыми глазами. Взгляд пристальный и тяжелый, но не это обратило на себя внимание генерала. Суровых лиц в ГРУ немало, случалось сотню раз видеть бойцов, в наружности которых читалось, что они столь же волевые, с твердым характе-

ром. Но этот майор был еще и властным. Такую черту натуры от всевидящего генеральского ока не утаишь.

– Вольно, товарищ майор! Проходите!

Бурцев поднялся и пожал руку майору, после чего вернулся за стол, на котором лежало раскрытое личное дело Николая Николаевича Каржавина. Бумаги скупо, но по существу рассказывали, что майор, награжденный орденом Мужества и медалью «За отвагу», последние четыре года возглавлял отряд «Север», многократно отличившийся в ряде сложнейших операций на Ближнем Востоке, в том числе в ходе гражданской войны в Сирии.

Каржавин бросил беглый взгляд на бумаги и переключился на седую, пышную шевелюру генерала. Лет десять назад майор не понимал, зачем в подобных ситуациях старшему по званию держать перед собой раскрытое досье на бойца. Ты ведь уже изучил факты. Сверяться, не полагаясь на память? Наверное. Хотя в некоторых случаях сверяться попросту не с чем. Затем, с годами, до Николая дошло: раскрытое досье – последний тест, финальная оценка перед отправкой человека на ответственное задание. Посмотреть, как он поведет себя, когда увидит свое дело на столе командира. Замельтешит, засуетится, испугается – такой не выполнит порученной работы.

– Присаживайтесь, присаживайтесь! Есть ли у вас, Николай Николаевич, причины отказаться от миссии в Иране в ближайшие сорок восемь часов?

Деловой тон генерала пришелся Каржавину по душе. Седой не юлил, не финтил, прямоком в лоб спросил, сможет майор отправиться в другую страну или не сможет. А то некоторые начинают издали, с неопределенных, загадочных фразочек: «Тут для вас работенка нашлась» или чего-то в том же роде.

– Никак нет! – кратко и сдержанно ответил Николай, хотя понял, что не смог скрыть некоего воодушевления.

– В таком случае ознакомлю вас с положением дел. Сегодня в девять утра по Москве подверглась атаке иранская буровая платформа в Южном Каспии. Весь персонал взят в заложники группой неизвестных. Хуже того, в заложники попала российская делегация в составе четырех человек. Наше правительство, как и иранское, получило видеозапись обращения от главы террористов. Прислушайте и выскажите свое мнение.

Бурцев развернул экран монитора и кликнул на иконке видеофайла. Из сумрака слабоосвещенного помещения объективом выхватывались три мужских силуэта. Взятые крупным планом, все трое попали в кадр лишь по грудь, но нетрудно догадаться, что они стоят, а камера находится на уровне их невидимых лиц. Вещал центральный. Он командир, остальные – статисты. Голос, разумеется, изменен, но обращало внимание, как бегло главарь шпарил на фарси.

Боссом заготовлена цветистая речь. Для пушного эффекта ее бы транслировать непосредственно с буровой или, по меньшей мере, записать там, на фоне морской глади и перепуганных пленников. Ан нет, хитрецом использована домашняя заготовка, чтобы в кадр ненароком не попало лишнего – чего-то такого, что с потрохами выдаст террористов.

Главарь витиевато потолковал о тяжелой каре на «бараньи головы» тех, кто противостоит Исламскому государству, а затем потребовал: в течение двух суток освободить из заточения одиннадцать своих братьев. В противном случае все заложники будут убиты. Некоторые из перечисленных имен Каржавин прекрасно знал, это довольно высокие военные чины в иерархии ИГИЛ, с огромным трудом схваченные российскими и иранскими спецслужбами и в настоящее время отбывающие приличные сроки. Надо полагать, остальные, о которых Николаю ничего не известно, – такие же.

Далее пошли кадры с перепуганными лицами, большей частью восточными и двумя русскими. Пленники. Вот эта часть файла отснята уже сегодня на буровой, можно не сомневаться. Звуковая дорожка предусмотрительно удалена. Людей снимали откуда-то сверху, чтобы не было видно стен, отчего не понять, в каком конкретно помещении собраны пленники. Стало

быть, окончательный монтаж видео выполнялся с ноутбука непосредственно на буровой, когда заложников загнали в какое-то контролируемое пространство.

Картинка стала затемненной.

– Что скажете? – спросил генерал.

Метаданными файла Каржавин не заинтересовался, поскольку все равно мало что смыслил в компьютерных штуках. Пускай такими вещами занимаются айтишники из Минобороны. Спецназовца волновало другое, более близкое и понятное ему.

– Пленников опознали?

– Нефтедобывающая компания подтвердила, что они ее работники. Русские в кадре – члены делегации. Инженеры и научные сотрудники, прибывшие в Иран для реализации совместного проекта по бурению нефти на Каспии. Это тоже подтверждено.

– Отражение в глазах пленников изучено?

– Нет, разрешение не позволяет.

– Анализ голоса и других звуков?

– В процессе. Комната с прекрасной шумоизоляцией, посторонние звуки на записи вряд ли обнаружатся. По поводу голоса лингвист сказал, что акцент в такой модуляции установить невозможно, но знание фарси превосходное. Следовательно, если главарь и является арабом, то персидский выучил основательно. Или же он родился и вырос в Иране.

Неудача. Но неудачи тоже открывают двери к победе. Буровую захватила не шайка полумных фанатиков, как недолго решить, послушав речь босса. Операцию продумали очень серьезно, не полагаясь на авось.

– Есть кадры с дрона?

– «Кодс» запустила коптер, но он вернулся на базу. Его работе мешает глушилка.

Ого! Теперь сомнений нет, террористы точно подошли к делу серьезно: развернули на захваченном объекте систему контроля радиочастотного спектра и тактический комплекс направленного глушения, создающий помехи, которые вынуждают БПЛА прекратить полет. Парням из «Кодс», как называется спецназ иранской военно-политической разведки, еще повезло, что их модель дрона оказалась умна. Некоторые модели, попав в поле действия глушилки и теряя связь с центром управления, не возвращаются обратно, а падают наземь. В данном случае – в море.

Если же бандиты такие умные, то почему требования выдвинуты ими, мягко говоря, трудноисполнимые? За двое суток невозможно принять решение об освобождении столь опасных заключенных, причем согласовав это решение с другим государством.

– Что известно о названных им людях? Как я понял, все они отбывают разные сроки в тюрьмах Ирана и России, верно?

– Верно. Трое в Российской Федерации, остальные восемь – в ИРИ. Запрос об их освобождении уже рассматривается в Минюсте, а затем перейдет в высшую инстанцию. – Генералом подразумевался президент. – Но даже в случае положительного решения вряд ли процедурные вопросы удастся быстро утрясти. И уж тем более невозможно ручаться за то, что иранская сторона пойдет на сделку.

– Разве террористы этого не понимают?

– Вы мне скажите. Каково ваше мнение?

Генерал хитро прищурился, и Каржавин понял, что он здесь не только для получения нового задания. Бурцев проверял способность майора оценить ситуацию и желал убедиться, что они оба пришли к одинаковому заключению.

– Прекрасно понимают, они хорошо организованы и рациональны, – прямо высказал Каржавин. – Требования – это спектакль с непонятными целями, о которых мы узнаем в финальном акте. Но при таком раскладе заложники могут пострадать.

– Полностью соглашусь с вами, Николай Николаевич, – одобрительно закивал Бурцев. – Ваше мнение о лидере террористов?

– Тертый калач. Спокоен, как черт. В его словах, в скорости его речи не чувствуется того праведного гнева, какой охватывает человека глубоко религиозного. Нет и личной злобы за то, что мы забрали его «братьев», как он их назвал. Равнодушие какое-то, замаскированное яростью.

– Есть разница? – вновь сощурился Бурцев.

– Есть, товарищ генерал. Ярость, она безлика и слепа. Иногда перед штурмом помещения приходится себя накручивать, накачивать агрессией, чтобы ворваться внутрь готовым к ожесточенному бою. К яростному бою. В такие минуты ни злобы, ни гнева не испытываешь, поскольку не знаешь, что ждет внутри. Только ярость, то есть внутренний огонь. Вот их главаря себя и накачал, распалил, чтобы сойти за фанатика.

– Любопытно, – покачал головой генерал, – наш психолог сказал в точности то же самое про главаря с его «шестерками».

Бурцев подразумевал двух статистов, безмолвными глыбами высившихся позади лидера.

– Не соглашусь с вашим психологом, – возразил Каржавин, – они не «шестерки». Их босс вряд ли поставил бы рядом с собой мальчиков на побегушках, нет, только надежных и проверенных людей. Эти двое – его лучшие соратники. Вдобавок язык тела другой. Видите, как они угрожающе нависают? Словно усиливают мощь каждого сказанного слова. Тот, что слева, пошевелился при слове «убить». Дурной знак.

– Прекрасный анализ, Николай Николаевич, – похвалил Бурцев. – Мы тоже пришли к выводу, что добровольное освобождение заложников маловероятно. Сию минуту Минобороны ведет переговоры с правительством Ирана о нашем участии в спасательной операции. Результат переговоров, скорее всего, будет в нашу пользу, поэтому немедленно соберите отряд «Север» и готовьте своих ребят к отправке в Иран сегодня же. Отправка в тринадцать ноль-ноль рейсом «Каспиан Эйрлайнс» под видом охраны полномочного представителя Минобороны. С наступлением ночи местные спецслужбы помогут переправиться на платформу.

– Вы уверены в содействии со стороны КСИР?

Николай немного сомневался в том, что Корпус стражей исламской революции, иначе КСИР, будет содействовать, поскольку знал, что КСИР – закрытая структура, там никто не горит желанием помогать военному ведомству иностранного государства.

– Есть уверенность, – просто ответил генерал. – С иранской стороны переговоры о сотрудничестве ведет Мохаммед Мостафави, мы с ним неплохо взаимодействовали ранее. Он, кажется, близок к тому, чтобы убедить президента ИРИ подключить нас. Кроме того, использование сил ГРУ поможет Ирану переложить ответственность за ход операции на Россию.

Каржавин смекнул, что иранцы опасаются испортить отношения с русскими, если вдруг при освобождении заложников возникнут осложнения. Но когда операцию возьмет на себя российский спецназ, в провале будет виновата только Россия, а Иран сохранит лицо и останется хорошим, что очень важно, учитывая, в каком трудном международном положении находится эта страна.

Впрочем, нельзя исключать и других причин. В политике всегда найдутся неизвестные причины и неизвестные игроки.

* * *

В начале следующей недели, 29 сентября, в роскошном зале пятизвездочного отеля «Хай-ятт» в Тегеране ожидалось столпотворение богатых и влиятельных. Нефтяные магнаты, финансисты, политики и дипломаты из разных уголков планеты должны собраться здесь, чтобы выслушать очередной доклад Али Мусави, не менее громкий, чем на ноябрьской конференции

в прошлом году. До недавних пор известный лишь в узких кругах нефтяников, Мусави стремительно ворвался в глобальную шахматную игру при покровительстве иранских властей. Он управлял компанией с несколько нелепым для русского слуха названием «КЕПКО»; акроним расшифровывался как «Компания по разведке и добыче нефти на Каспии». Обычно этот амбициозный человек, плотно сложенный, с модной стрижкой и маленькими усиками, беседовал только с инвесторами и кредиторами, однако сейчас он уверенно выходил на новый уровень.

Впрочем, всему свое время. Сегодня пока еще 23-е число, и Мусави сидит в своем номере 711 в «Хайятте», принимая посетителей с крайне плохими новостями. Нельзя исключать, что за ближайшую неделю планы могут измениться на диаметрально противоположные из-за событий, случившихся полтора часа назад на платформе, которой он, Мусави, управляет.

Напротив директора «КЕПКО» сидел немолодой полноватый мужчина с обвисшими щеками и толстыми губами. Мохаммед Мостафави, за годы в политике побывавший на самых различных высоких постах государства, в том числе недолгий срок исполнявший обязанности президента, хотя президентом так и не стал. И, пожалуй, поступил правильно. Сейчас он состоял в Совете целесообразности, сосредоточив в руках множество нитей, протянутых сквозь весь госаппарат. Очень гибкий политик, превосходный парламентар, обладает налаженными связями с Москвой. Давным-давно числился в санкционных списках США, но ухитрился быть оттуда исключенным, что для большинства нереально, поскольку американский «блэк-лист» принято покидать только вперед ногами.

Второй собеседник – Фарух Рахман, правая рука генерал-майора Пакпура, командующего КСИР, иранской военно-политической разведкой. Генерал-лейтенант Рахман с годами подрастерял форму, зато его каменное лицо сделалось еще более жестким и отталкивающим, чем тогда, когда он пребывал на пике карьеры. В настоящий момент оно, сходное с уродливой маской, пугало своим выражением, в котором смешались раздражение и возмущение. Генералу навязывали крайне нежелательный шаг – предлагали устраниваться, предоставив освобождение заложников русскому спецназу.

Сидеть у генерала не хватало сил, он истуканом стоял у окна, вполоборота к присутствующим.

– Подозреваю, теракт мог финансироваться «Лазмо», – поделился опасениями Мусави, назвав британского нефтяного гиганта, с 1990-х годов пытавшегося взять южнокаспийскую нефть под свой контроль. – Им не выгодна наша программа.

В экстремистов-игиловцев никто из присутствующих особо не верил. Захвативших платформу боевиков здесь обоснованно считали наемниками.

– Определенно акция террористов направлена против России, – принялся спорить с директором Мостафави, потряхивая щеками. – Поэтому логично принять щедрое предложение Москвы. Пускай зачистку проведут их спецслужбы, а Пасдаран сохранит за собой информационную поддержку. – Тут он посмотрел на Рахмана, чье ведомство в обиходе звалось Пасдараном. Заметив колебания, Мостафави привел самый весомый аргумент: – Неужели кто-то здесь хочет нести ответственность за гибель русских специалистов? Нам это совершенно не надо. Пусть сами решают свои проблемы.

– Гарантирует ли Москва целостность платформы? Меня волнует, не повредят ли русские медведи мое оборудование? – состроил недовольную мину Мусави.

Странно, Мостафави поначалу питал уверенность, что директора «КЕПКО» удастся уломать быстрее, чем солдафона. Но нет, именно глава компании оказался упрямым, точно ишак.

– Сами повредят, сами восстановят, – отмахнулся несостоявшийся президент.

– Время будет упущено! – с негодованием хлопнул себя по коленке Мусави. – При серьезных повреждениях ремонт займет года полтора, если не два. Инвесторы разбегутся в разные стороны, как тушканчики.

– Этот риск нужно принять в любом случае, в том числе при участии наших спецназовцев, – мудро заметил не желавший сдаваться собеседник.

Рахман засопел, но продолжил отмалчиваться, желая выслушать все доводы, чтобы потом разгромить их единым ударом. Полагаться на чужаков нельзя ни в коем случае, тем более в дни, которые сулят стать переломом эпох, считал он. Революционная инициатива по освоению богатых нефтегазовых месторождений на Каспии знаменовала начало новой эры в мировой экономике, открывая путь Ирану к лидерству на рынке энергоносителей.

Республика вновь напомнила бы миру о своих колоссальных природных ресурсах. На протяжении многих десятилетий международное сообщество пыталось ограничить стране-изгою доступ к собственной энергии путем введения экономических и финансовых ограничений. Когда же санкции наконец ослаблены, открывается окно возможностей, позволяющее вернуть утраченные позиции на энергетическом рынке. Огромные резервы иранской нефти и газа, долгое время остававшиеся неизученными и неиспользуемыми, привлекут внимание крупнейших корпораций. Впервые за десятилетия у Ирана появится реальная возможность выйти на европейский рынок, преодолев препятствия, созданные соседними государствами, такими как Азербайджан и Турция.

Почему мировые державы внезапно отступили назад, позволяя Ирану укреплять свои позиции? Почему международные корпорации спешат вкладывать миллиарды долларов в перспективные иранские проекты? Причиной тому – глубокие противоречия между Заливом и Европой, Китаем и Америкой, а также между другими участниками большой политики. Ясно лишь, что благоприятный момент не будет длиться долго, уже сейчас найдутся желающие сорвать каспийский проект. Победа не достается легко, мир политики полон коварных ловушек. Слишком долго Иран находится в центре геополитических интриг, постоянно подвергаясь испытаниям от провокаций до неприкрытого вооруженного давления.

Ход обсуждения нарушило появление полковника Хусайна Бехзада, командующего силами специального назначения «Кодс».

– Моим людям удалось определить принадлежность катеров, на которых террористы прибыли на платформу, – без предисловий начал он. – Вот кадры с дрона, отправленные до отключения передачи.

Он показал планшет с фотографией.

– Картинка неотчетлива, – заметил Мусави.

– Обработка с помощью ИИ помогла выяснить, что это катера «Алюмакрафт» американского производства, поставляемые в нашем регионе только через полномочного представителя – азербайджанского дилера «Далга».

Упоминание соседнего государства встревожило всех. Официальный Баку неоднократно заявлял, что южнокаспийская нефть всецело принадлежит ему, и грубо требовал от Тегерана свернуть буровые работы на шельфе. Одним из главных объектов спора стал гигантский участок на дне Каспийского моря – месторождение Сардар Джангал, запасы которого оценили примерно в два миллиарда баррелей.

Возвышение Республики Иран для Азербайджана крайне невыгодно. До сих пор положение Ирана страдало от уязвимости. Его маршруты транспортировки углеводородов оказались заблокированы: большинство экспортных путей проходит через Ормузский пролив, контролируемый американцами и их арабскими партнерами. Другие направления ведут через Азербайджан, который активно продвигал собственные энергетические проекты, сводя конкуренцию Ирана к нулю. С началом морского бурения ситуация кардинально меняется. Благодаря открытию новых месторождений на Каспии Тегеран обретает мощный рычаг влияния, позволяющий пересмотреть всю структуру региональных взаимоотношений.

Однако дело не только в конкуренции и риске утратить часть доходов от монопольного хозяйничанья на Каспии. Истинные причины споров лежат гораздо глубже. Возвышение Ирана

нарушало сложившийся баланс сил в регионе, где монополизм Азербайджана позволял Баку претендовать на стратегическое партнерство с Соединенными Штатами. Теперь же американцы находятся в замешательстве. До недавних пор они активно поддерживали Азербайджан, видя в нем ключ к контролю над Каспием. Сейчас, однако, позиция Америки оказалась под угрозой: укрепление позиций Ирана может привести к серьезному изменению баланса сил на Ближнем Востоке и в Центральной Азии.

Таким образом, и для Ирана эта битва за акваторию означала больше, чем простое расширение добычи нефти. Это вопрос престижа и символ победы над многолетними санкциями. Обретение контроля над новыми источниками энергии позволяло Тегерану заявить о себе как о мощной региональной силе, равной России и США.

– Тем более контртеррористическая операция должна выполняться силами Пасдарана, – заключил Рахман. – «Кодс» располагает необходимым потенциалом, в том числе кадровыми ресурсами для решения такой задачи.

– При всем уважении не соглашусь, – твердо произнес Бехзад, к удовольствию Мостафави. – Если мы будем разгребать эту кучу собственными руками, то навредим себе еще больше. Конфликт с Баку может привести к вооруженному противостоянию. Выгоднее представить дело как противостояние России и Штатов.

Рахман вскинул бровь. Он, как и все остальные в гостиничном номере, уловил ход мыслей Бехзада. Пусть разбираются русские! Москва решила активизировать сотрудничество с Ираном и тотчас получила ответку от Штатов, которые, возможно, использовали для этого Азербайджан. А возможно, не использовали. Почему знать? Пока весомых улик нет, выгоднее рассматривать теракт как попытку американцев вытолкать русских с Южного Каспия.

– Но если выяснится, что Азербайджан играет более активную роль, чем мы предполагаем? – настороженно спросил Мусави, который впервые сталкивался с тем, как принимаются решения в разведуправлении.

– Тем лучше, мы сможем вбить клин между ними, – сообразил Рахман. – Москва склонна заигрывать с Баку. Это длится добрую сотню лет. Для нашей родины пойдет на пользу охлаждение отношений между Россией и Азербайджаном.

– Русские пожнут плоды своей политической близорукости, – резюмировал Хусайн Бехзад. – Если азербайджанский след в этой истории есть, не мы должны найти его и показать русским. Они сами должны найти улики и убедиться, что их делегацию убили при участии их «закадычного друга».

Следующие полчаса в номере 711 обсуждалось, как преподнести решение на предстоящем совете в Минобороны, где будет присутствовать президент Пезешкиан. О гибели людей, включая российскую делегацию, говорили как о свершившемся факте. Политики сделали ставку на то, что спасательную миссию ждет фиаско, освободить большинство заложников не удастся.

* * *

Утреннее солнце теплыми лучами заливало кабинет майора. На улице мягкий сентябрь, благодать. На душе – кошки скребут. Стоя у стола и перебрасываясь фразами, Каржавин с Польшовым поджидали остальных. Разговор сам собой увел друзей далеко-далеко от атаки террористов. Предстоящая операция казалась незначительной, неопасной, попросту пустяковой. Миссия в Иране отступала на задний план перед личными проблемами.

– Не знаю, что еще придумать. Все перепробовали, ко всем врачам ходили. Толку нет. – Польшов говорил сквозь стиснутые зубы. – Она уже едва ложку держит.

Неприятно смотреть, как убивается этот здоровенный мужик. Русский крепыш тридцати шести лет, мускулистый, огромной силы, вместе с тем широким приятным лицом он напоми-

нал мальчишку, особенно когда по этому лицу расплывалась искренняя теплая улыбка. В такие моменты его яркие синие глаза излучали бездну доброты. «Моей бы Тамарке такого мужа вместо меня, мрачного нелюдима», – неоднократно задумывался Николай, пока Тамара еще была жива. Но Польшов был женат и сейчас говорил о ней, о своей Кате, страдавшей от неизлечимого тремора. Паркинсон – такой диагноз поставили в больнице.

– Юрка, ты скажи, если деньги нужны будут.

Ничего другого Николай не придумал, жалея, что не может отдать жене верного друга почку, легкое или, там, литр крови. Знай, что поможет, – отдал бы. Не задумываясь отдал.

– С деньгами порядок, не волнуйся. К тому же здоровья не купишь, как мы с Катей убедились. – Широко ладонью Польшов растирал бычью шею. Прежде все в отряде завидовали его нечеловеческой силе, сейчас же на Юрку смотрели как на ущербного, с состраданием. Богатырь устало опустил руку и, еще понизив голос, произнес: – Выходит, нам с тобой, Коля, общий путь проходить не только по службе, но и на гражданке. Скоро и я жену потеряю. Обе, одна за другой...

Каржавин не ответил. Вспоминать об аварии, унесшей жизнь Тамары, не хотелось.

За дверью раздались шаги, прибыли ребята.

– Ладно, Корж, перетрем потом, когда домой вернемся.

Только Юрке позволялось звать приятеля этим старым позывным, остальные величали командира Николаичем. Польшова, в свою очередь, в отряде звали Польшинь.

– Обязательно перетрем, – пообещал Каржавин. – Не кисни! Давай на работе сосредоточимся.

Первым в дверь вошел Петр Ключко, Петро, обязательно с шумом и весельем, словно собирался в парк аттракционов. Тридцатилетний, выдавший виды, Петро умел сохранять серьезность, когда требовалось, но в остальное время предпочитал травить анекдоты и необидно подначивать друзей. Ярко-зеленые глаза плутовато сверкали на его хитром узком лице, украшенном крупным носярой.

За Петром шел, покачивая головой, чтобы сдерживать смех, Витька Захаров, он же Захар. Среднего роста, стройный красавчик с лицом голливудского актера. Светлые волосы, почти блондин, а еще и светло-голубые глаза сильно молодили парня. Если же учитывать, что он был самым молодым в отряде, всего-то двадцать четыре года, то казался подростком-школьником. Внешность Захарова была предметом шуток в спецназе, всем казалось, что красавчику самое место на подиуме – демонстрировать модные шмотки. И только в отряде «Север» радовались, что заполучили такого классного бойца и превосходного технаря в придачу.

Последним вошел Ильдар Зиганшин. По отчеству он был Бекбулатович, отчего получил позывной Булат. Довольно молодой, двадцати семи лет, но при этом молчаливо-серьезный, с невозмутимым лицом. То ли сказала его былая служба сапером, то ли в саперы его взяли из-за замкнутого характера. Вот и сейчас он смеялся прибауткам Ключко одними лишь глазами, на лице же ни единый мускул не дрогнул.

Мужики поздоровались и без долгих предисловий приступили к инструктажу. Каржавин, вооружившись полученными от генерала картами и чертежами, ввел отряд в курс дела.

– Всем проверить и перепроверить снарягу! Карабины, зажимы, стропы и всю остальную канитель, – распорядился Николай, подразумевая снаряжение для промышленного альпинизма.

– Я так понимаю, брать надо поясные беседки? – уточнил Ключко.

Николай подтвердил, потому что поясные беседки проще снимаются, тогда как страховочные привязи с наплечными лямками снимать долго и муторно. Там, на погруженной в ночную тьму платформе, не будет времени возиться со снарягой: скинул – и погнал по-быстрому! Как шутили ребятки в таких случаях, шевели лапами, а то склеятся.

– Помните, что подниматься придется по сырым бетонным опорам, причем ночью. Трапы наверняка заблокированы или даже повреждены, да и нельзя нам по лестнице подниматься, у каждой наверняка выставлено по часовому. Я бы выставил даже у разломанных лестниц. Так что придется «кошкой» зацепиться за перегородки тут и тут, – ткнул он пальцем в чертеж, – и подняться на высоту пяти метров. Дальше проще, здесь начинается анкерная линия для ремонтно-монтажных работ под палубой.

– Откуда конкретно заходить будем? – не унимался Ключко. – Не нарваться бы на вражин в первые же минуты проведения операции.

– Решим на месте, – кратко ответил Каржавин. – Возможно, иранцы к тому времени сумеют собрать необходимую информацию. Например, дистанционно подключатся к камерам безопасности платформы или еще что придумают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.